

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ

АРКАДИЯ

Гэлин Янь
МАЛЕНЬКИЙ
ЖУРАВЛЬ
ИЗ МЕРТВОЙ
ДЕРЕВНИ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2018

УДК 821.581
ББК 84(7)
Я60

Gelin Yan
LITTLE AUNT CRANE
(小姨多鹤)

Перевела с китайского
Алина Перлова
Дизайнер обложки
Александр Андрейчук
Художник
Ирина Бабушкина

Янь Г.

Я60 Маленький журавль из мертвой деревни : [роман] / Гэлин Янь; [пер. с кит. А. Перловой] — СПб. : Аркадия, 2018. — 480 с. — (Серия «Роза ветров»).
ISBN 978-5-906986-51-1

Последние дни Второй мировой войны. Маньчжурия. Японские захватчики уходят под натиском китайских войск. Переселенцев из Японии ждет страшная смерть. Шестнадцатилетней Тацуру чудом удается выжить, но жизнь ее горька: торговцы людьми продают девушку в бездетную китайскую семью. Утратив даже собственное имя, Тацуру становится наложницей главы семейства и тайной матерью его детей.

История «маленького журавля», разворачивающаяся в бурные годы правления Мао Цзэдуна, — роман о мужестве, любви и о том, что люди могут оставаться людьми в тяжелейших условиях.

УДК 821.581
ББК 84(7)

© Geling Yan, 2007
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия»,
2018

ISBN 978-5-906986-51-1

ПРОЛОГ

Сигнальные огни пылали сразу в нескольких местах. На горных склонах, с трех сторон окруживших деревню, по очереди поднимался дым. Пока желтый горизонт наливался красным, а потом бордовым, столбы дыма темнели, а огни под ними разгорались все ярче и ярче. Небо совсем почернело, и оттуда, где полыхали огни, доносились свирепые крики: «О! О! О!»

По всей деревне стояла частая дробь женских гэта¹. Согнув спины, подгибая колени, женщины бежали быстрее ветра: «Китайцы идут!» С тех пор как те атомные шутовкины сравнивали с землей Хиросиму и Нагасаки, китайцы часто навевались в деревню пострелять или бросить пару гранат. И женщины скоро привыкли бегать, горбя спины и подгибая колени. После недавней вербовки солдат для обороны Маньчжурии все мужчины моложе сорока пяти лет ушли на фронт, и, кроме женщин, в деревне почти никого не осталось. Пока они собирали домой детей, подростки лет по пятнадцать заняли места у бойниц защитной стены. Стена была в полметра толщиной, и ее в два ряда опоясывали бойницы. Вокруг каждой из шести японских деревень стояли защитные стены — переселенцы отстроили их сразу, как приехали. Тогда им казалось,

---

¹ Гэта — японские деревянные сандалии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

что командование разводит лишнюю суету: ведь китайцы прятались, едва завидев японца, а кто не спрятался, тот, согнувшись в поклоне, отходил прочь с дороги. Но теперь все переменялось: в деревне Сиронами стоял крик: «Китайцы!» — и был он так же пронзителен, как крик «Японцы!», еще недавно разносившийся по всей стране.

Три дня назад люди из шести японских деревень отправились к маленькой железнодорожной станции в самой северной части Маньчжурии. Та станция называлась Яньтунь, здесь они сошли с поезда, что привез их когда-то в Маньчжоу-го². Они собирались сесть в Яньтуни на последний поезд, следовавший в корейский Пусан, а оттуда на пароходе вернуться в Японию — этим путем переселенцы много лет назад пришли на запад, в Маньчжурию. Из шести деревень собралось больше трех тысяч человек, многие везли с собой скот, чтоб везти поклажу и посадить на него стариков со слабыми ногами да детей, которые не смогли бы долго идти. Люди прождали в Яньтуни ночь и день, но вместе с поездом пришла телеграмма от командования, в ней приказывалось немедленно отступить обратно в деревню: большая группа советских танков пересекла китайскую границу, велика вероятность столкнуться с ними лоб в лоб. Доктор Судзуки из деревни Сиронами запрыгнул в поезд, убеждая сельчан не верить телеграмме: и отступить, и идти вперед — риск, но настоящий японец должен идти вперед. Поезд тронулся совсем пустым, только голова сердитого доктора Судзуки торчала из окна вагона, он все кричал: «Да прыгайте же! Глупцы!»

Сигнальный дым низко расстелился над деревней, сделав стылый осенний воздух густым и едким. Огней

---

² Маньчжоу-го — марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии. Существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года.

становилось все больше, уже не сосчитать, они сплошь усеяли горы и долины. Словно люди со всего Китая пришли сюда, и их грозные крики: «О!.. О!.. О!..» казались куда страшнее ружейных залпов.

Кто-то из ребят у бойницы выстрелил первым, и скоро все мальчишки принялись палить по факелам. Зажмурившись и стиснув зубы, они стреляли по огненным точкам, заполонившим темноту. На самом деле огни пылали еще за несколько ли³ от деревни. Факелов становилось все больше, из стайки огоньков они в один миг превратились в целый табун, но не приближались, и свирепые голоса тоже оставались в отдалении, словно гром, рокочущий у горизонта.

Староста велел жителям собраться на площадке у деревенского храма синто. Было ясно, что придется уходить, чего бы это ни стоило.

Ночь шла к рассвету, вдали прогудел поезд, наверное, привез еще пару дюжин вагонов с советскими солдатами. В срочном объявлении староста приказывал не брать с собой поклажу, только детей. Люди и слышать об этом не хотели, ведь если уходить из Маньчжоу-го, как же без поклажи? Но староста едва ли мог забыть про такой важный вопрос, скорее всего на долгом пути отступления найдется и питание, и ночлег. Лица женщин осенила безмятежность: наконец-то все позади. Много лет назад они приехали сюда из Японии под знаменами «Отряда освоения целины», никто не знал тогда, что спокойные безбрежные поля перед ними японское правительство вырвало из рук китайцев. И теперь китайцы начали сводить счеты. Несколько дней назад на рынке погиб житель деревни Сакито, и смерть его была страшна: на трупе не осталось ни волос, ни носа, ни ушей.

За спиной старосты, которому шел уже пятьдесят второй год, стояла дюжина старейшин, они молча

---

³ Ли — мера длины, около 0,5 км.

ждали, когда стихнет стук гэта. Староста велел прекратить шушукаться и лезть друг к другу с распрсами. Его послушались.

— Подойдите ближе, еще ближе.

Толпа слаженно двинулась и быстро встала в ровное каре. Младенцы спали на руках у матерей или за их спинами, дети постарше дремали, привалившись к взрослым. Голос у старосты был тихий-тихий и хриплый — всю ночь курил. Он сказал, что старейшины проголосовали и вынесли решение: все нужно закончить, пока не рассвело. Староста был не мастер произносить речи, и когда не знал, что сказать, кланялся собравшимся односельчанам, снова и снова. Он с трудом подбирал слова, говорил, что граждане Великой Японии — подданные Солнца и позор поражения для них намного больнее смерти. Еще говорил, что вчера вечером советские солдаты в соседней деревне убили несколько японских мужчин и всем скопом изнасиловали дюжину японских женщин; они разграбили деревню подчистую, не осталось ни зернышка, они увели всю скотину. *Эти бандиты хуже настоящих бандитов, эти звери страшнее настоящих зверей. И посмотрите, сколько огней в горах! Пути назад нет! Китайцы вот-вот нагрянут! Они бы сказали, что у нас сейчас «со всех сторон западня», «отовсюду слышатся песни чусцев»⁴.*

В этот миг шестнадцатилетняя девочка, что стояла позади всех, шмыгнула за бук, а потом, пригнувшись, во всю прыть побежала в деревню. Она вдруг вспомнила, что забыла надеть сережки, золотые сережки. Она тайком вытащила их из маминой шкатулки: нравилось наряжаться, да и любопытно. В Сакито жили родители ее матери, а сама девочка была из деревни

⁴ Образное выражение, означающее безвыходное положение.

Сиронами, что у железной дороги. Десять дней назад, когда мир только начал лететь в пропасть, мать отправила ее в Сакито ухаживать за дедом: у него остались осложнения после инсульта. Дед плохо ходил, но однажды ночью он ушел и больше не вернулся. Его труп нашли деревенские собаки, тело лежало в воде, а ноги застряли в расщелинах между камнями на отмели. Бабка почти не плакала: муж решил умереть, и она уважала его решение.

Отыскав сережки, девочка босиком полетела обратно к храму, гэта она держала в руках.

Она пропустила резкую перемену в речи старосты. Когда тень девочки исчезла в непроглядной предрассветной тьме, староста от лица совета старейшин объявил, что они сделали выбор за пятьсот тринадцать односельчан. Он сказал, что нашел самый достойный и безболезненный путь отступления из Маньчжоу-го. Для женщин это единственный путь, пройдя которым, можно сохранить чистоту.

Люди стали понимать: староста говорит что-то не то. Пошатывающиеся со сна дети тоже учуяли дыхание злого рока и все, как один, задрали головы на своих родителей. Две девушки невольно сжали друг другу руки. Женщина, стоявшая дальше всех от старосты, шагнула в сторону, потянув за собой сынишку лет пяти, осмотрелась, потом отошла еще чуть-чуть. Шаг — и скроется в молодой тополиной рощице, которую разбили по весне. Что же задумали старейшины...

С неумолимыми лицами они стояли за спиной старосты. Староста огласил решение совета:

— Мы японцы, и умрем с подобающим японцам достоинством. Совет старейшин раздобыл достаточно патронов, хотя это было непросто.

Людей парализовало страхом. Спустя мгновение кто-то недогадливый подал голос: «То есть как, всем

вместе умирать? Зачем?!» Послышался женский плач: «Мне надо мужа с фронта дожидаться!» Голос старосты вдруг переменялся, став ехидным и злым:

— Решили предать свою деревню?

Свет уже понемногу разбавлял темноту, и каждую секунду небо становилось чуть бледнее.

Девочка с сережками стояла сейчас в дюжине шагов от толпы, она только что прибежала, но успела расслышать слово «умирать».

Староста сказал, что настоящий японец и смерть должен принять, как подобает японцу. Он выбрал старейшину, который возьмет все в свои руки и подарит односельчанам достойную смерть. Этот старейшина — меткий стрелок, он вернулся с двух мировых войн, а сейчас отдаст жизнь за родину, как всегда и хотел. Здесь, у храма с табличками предков, каждый из нас падет на землю с достоинством, мы умрем среди своих родных.

Женщины заметались, сбивчиво перебирая предложения, чтобы избежать «достойной смерти». Паршивые овцы есть в каждой деревне, были они и в Сакито: эти женщины благодарили старосту, но просили позволить им самим решить, как и когда умирать. Дети не всё понимали, им было ясно лишь, что ничего хорошего от «достойной смерти» не жди, все они поразевали рты, вытянули шеи и, задрав головы к небу, громко заревели.

Раздался выстрел. Всего один. Люди увидели, что староста лежит на земле. Все было решено заранее, и староста первым поступил как подобает «настоящему японцу». Жена его завывала; накануне свадьбы со старостой она так же лила слезы перед своей матерью. Причитая, она медленно осела на землю рядом с мужем, из которого хлестала кровь, — так же и в первую брачную ночь она в слезах легла на супружеское ложе. За все эти годы у нее и мысли не было пойти

_____ Янь Гэлин. Маленький журавль из мертвой деревни

мужу наперекор. Женщины зарыдали: раз жена старосты подает такой пример, никуда теперь не денешься. Прогремел второй выстрел, и староста с супругой рука об руку отправились в последний путь.

Семидесятилетний стрелок опустил автомат и взглянул на мертвых, улегшихся на земле плечо к плечу. Дети старосты погибли на войне, теперь и родители спешили следом — скоро вся семья будет в сборе. Настал черед старейшин. Они выстроились в ряд, распрямив спины, у одного из них, восьмидесятилетнего старика, изо рта тянулась слюна, но это не портило его торжественный облик. Каждый смиренно ждал свою пулю; после капитуляции, когда случилась нехватка продовольствия, они так же смиренно стояли в очереди за онигири⁵. Через несколько минут и дети убитых старейшин собрались у их тел для вечного семейного снимка.

Люди понемногу успокаивались, семьи собирались вместе, толпясь вокруг стариков. Дети все еще плохо соображали, что к чему, но и на них сошло странное умиротворение. И ревившие до сей поры младенцы тоже успокоились, теперь они тихонько качали головами, посасывая большие пальцы.

Вдруг кто-то крикнул: «Тацуру! Тацуру!»

Шестнадцатилетняя девочка — это ее звали Тацуру — безумными глазами озидала площадку у храма. Она видела свою бабушку, та одна-одинешенька стояла перед стрелком. Больше всего сейчас боялись сельчане, что не найдется рядом родной кровинки, некому будет укрыть твое тело своим теплом и не с кем вместе остыть. Но Тацуру вовсе не хотела идти на такую жертву. Семьи сбивались вместе, сжимая друг друга в объятьях так, что никакие пули не могли их разнять.

---

⁵ Онигири — блюдо японской кухни из пресного риса, слепленного в виде треугольника или шара.